

СТАРК ВЕЙ

К ЭТИМОЛОГИИ ДРЕВНЕРУССКОГО СТРИБОГЪ

Слово *Стрибогъ* было предметом многочисленных этимологических толкований, однако ни одно из них не может считаться окончательным. Не останавливаясь на их обзоре, ограничимся напоминанием, что начальное *s-* в *Стрибогъ* рассматривалось большинством авторов как рефлекс **s-*, реже — **k-*. Но не исключена и другая возможность: начальная группа *st-* может восходить к **pt*⁻¹. Иными словами, *stri-* может быть рефлексом **ptri-*. Эта гипотеза и будет здесь рассмотрена.

Названном обожествленного «неба-отца» в части индоевропейской области было **dyēus pātēr*, ср. санскр. *dyāuh pitā*, греч. *Ζεὺς πατήρ*, лат. *Diēspiter* (зват. *Juppiter*), и т. д. Но в древности существовал и обратный порядок (**pātēr dyēus*): вед. *pitā dyāuh*, греч. гомер. *πατήρ Ζεὺς* (Δ 235). «Небо-отец» противопоставлялось «матери-земле» (вед. *mātā pṛthivī*); русская народная песня еще сохраняет название *мать-сыра-земля*. Очевидно, в древней религии славян было известно понятие «бога-отца», и если здесь сохранилось древнее название «неба-отца», то наиболее вероятным для него был бы порядок отец + небо.

И.-е. **dyēus* или его тематический эквивалент **dei-w-os* был заменен в части индоевропейской области через **bhagos*, ср. фриг. *Ζαγαῖος Ζεὺς φρύγιος* (Гесихий), авест. *bagha*, др.-перс. *baga*, совр. перс. *bag-*, слав. *богъ*. Если у славян сохранилось название «неба-бога» или «небесного отца», то для него следует ожидать форму, восходящую к **pātēr bhagos*. В последующем изложении предполагается показать, что такой формой могло быть древнерусское *Стрибогъ*. Вторая часть этого сложения представляется достаточно ясной; труднее определить, в каких условиях **pātēr* могло привести к слав. *stri-*.

Индоевропейское название отца было вытеснено в общеславянском задолго до эпохи первых памятников письменности и заменено словом *отць*, восходящим к **atta*. Есть серьезные основания полагать, что оно исчезло в период между балто-славянской и общеславянской эпохами. В самом деле, многие компаративисты допускают, что литовск. *lėvas* есть результат изменения **iē*, которое в свою очередь восходит к **ptē(r)*. Известно также, что в славянских языках сохраняются производная и сложная формы от **pter-*, **ptr-*, **ptor*⁻². В отношении производного общеслав. **strъjъ* «брат отца» можно допустить, что оно продолжает и.-е. производное **pātruyos*. Простая форма **pātēr* в славянских языках не отразилась, но общеслав. **pa-stor-ъkъ* «отчим», «пасынок» (из **pō-ptor-*) является сложением, восходящим к типу, который распространился только в балто-славянской области и предполагает для эпохи своего формирования живые формы **pter-*, **ptor-*.

¹ См. M. V e y, *Slave st- provenant d'i.-e. *pt-*, «Bull. de la Société de linguistique de Paris», t. XXXII, fasc. 1 (№ 95), 1931, стр. 65; ср. там же, fasc. 2 (№ 96), стр. XV.

² M. V e y, указ. соч.

И.-е. **pātēr* было словом социального и религиозного значения¹; оно было заменено при употреблении в семейных и обиходных сферах (производным от звательного), дольше сохраняясь в религиозном словаре.

Какую форму и какую флексию мог иметь славянский представитель **pātēr* в эту отдаленную эпоху? В индоевропейском названии родственников на *-ter* имели флексию с тремя тематическими гласными: **-tē(r)* в им. ед.; **-ter-* в зват. и вин. ед., в им.-зв.-вин. двойственного, в им.-зват. множественного; **-tr-* в других падежных формах.

Славянское **-tē(r)* дало *-ti*, хотя фонетически здесь ожидалось бы **-tě*. Для объяснения этого изменения А. Соболевский² и вслед за ним А. Вайян принимают для слов женского рода на **-ter* аналогичное влияние слов жен. рода на **-ī* (*nespōšiti*). Так же объясняются и слова муж. рода на **-tēr*, для которых принимается аналогия слов муж. рода на **-ī* (*spōdyji*); впрочем, ясно, что все названия родственников на **-tēr*, как мужского, так и женского рода, получили одно и то же окончание. Можно думать, что в славянском языке в весьма древнюю эпоху имелось им. ед. **sti*, а также **brati* (из **bhrātēr*, ср. др.-прусс. *brāti*), **jēti* (из **yenātēr* «жена брата мукка», ср. литовск. *jėntė*), исторически засвидетельствованное *mami* (из **mātēr*) и **dъkmi* (из **dhughātēr*).

Соответствующие флексии ожидаются в других падежах: вин. **ster-ъ*, род. **str-e*, дат.-местн. **str-i* и т. д. Обобщение вокализма *-ter-*, имеющееся в *mami*, род. падеж *матере* и **dъkmi*, род. падеж *дъктере*, является повообразованием. Обобщение же вокализма *-tr-*, который характеризует **bratr-* и **jętr-*, носит более древний характер.

Объяснить изменение **sti bogъ*, род. **stre boga* и т. д. в *Стрибогъ*, род. *Стрибога* и т. д. можно двояко. Оба объяснения подтверждаются фактами языка; они не исключают взаимно одно другое и могут дополнять друг друга. Однако прежде всего следует подчеркнуть, что **stri-bogъ*, если оно продолжает **pātēr bhagos*, является сложением, тип которого почти неизвестен в славянских языках; в частности, мы не знаем, какой результат должен был дать долгий дифтонг *-ēr-* между согласными.

1. Можно думать, что одна из форм склонения первого слова сложения обобщилась. Слово, продолжающее **pātēr bhagos*, должно было, вероятно, склоняться в раннюю эпоху следующим образом: им. **sti bogъ*, вин. **sterъ bogъ*, род. **stre boga*, дат. **stri bogu*, местн. **stri bodzě* и т. д. Элемент **stri*, общий двум падежным формам и имеющий тот же вокализм, что и им. **sti*, мог распространиться на всю парадигму: им. *стрибогъ*, род. *стрибога* и т. д. Такое явление не единично в сложениях. Аналогичное объяснение имеет изменение *Царь градъ*, род. *Царя града*, мест. *Цари градъ* и т. д. в *Цариградъ*, род. *Цариграда* и т. д.³; ср. также изменение ст.-чеш. *Studenaves* в ср.-чеш. (им.) *Studeněves*⁴.

2. Возможно также, что это обобщение облегчалось распространением, или, вернее, восстановлением корневого консонантизма *str-* в именительном перед конечным фонетическим *-i*. Подобное явление широко отмечается для различных основ на согласный.

Оно отчетливо представлено в основах на *-ū* (слав. *-y*, *-v-*), где *v* других падежей спорадически появляется перед фонетическим гласным

¹ Ср. A. Ernout et A. Meillet, Dictionnaire étymologique de la langue latine, 3 éd., t. II, Paris, 1951, стр. 862.

² А. Соболевский, Общеславянские изменения звуков, РФВ, т. XXII, № 3, 1889, стр. 21.

³ W. Vondrák, Vergleichende slavische Grammatik, Bd. I, Göttingen, 1924, стр. 673.

⁴ A. Profous, Místní jména v Čechách, díl IV, Praha, 1957, стр. 222.

в им. падеже ед. числа. Ср. др.-русск. (им.) *цѣркви* (наряду с *цѣркы*, *цѣрки*), представляющее собою контаминацию старого именительного и основы *цѣркѣ-* других падежей; др.-серб. (XIV в.) *сръкѣви* и *сръкѣву*¹. А. Вайян приводит многочисленные аналогичные случаи из старославянского (Супр. рук.: *смокѣви*) и среднеболгарского (*цръкѣви*). Эта новая форма, пишет он, «получилась в результате обобщения основы *цръкѣ-* с заменой *-ы* на *-и* женского рода склонения типа *пустыни*, *мати...*»². Для предполагаемого же перехода **sti* в **stri* в такой замене гласного даже не было надобности.

Подобным же образом, вероятно, произошло изменение названия для сестры (основы на *-r-*). Из **s(w)esō(r)*, **s(w)esr-* должно было бы получиться слав. **sesa* (ср. литовск. *sesuo*), **ses(t)r-*. В действительности же представлено им. *сестра*: *r* других падежей было введено перед *a* именительного, восходящим к и.-е. **ō*; *a/*ō* совпадало с *a*, восходящим к **ā*, которое являлось окончанием женского рода, что облегчало переход рассматриваемого слова в женское склонение: *сестра*, род. *сестры*.

Другое слово основ на *-tēr*, название для брата, не может быть для нас полезным, т. к. невозможно установить, каким образом ожидаемая форма **brati* (ср. др.-прусс. *brāti*), род. **bratre* и т. д. была заменена наиболее древней засвидетельствованной формой: *брамръ*, род. *брамра*.

В случае **yenāter* «жена брата мужа» представляется вероятным, что между древним **jēti*, *jētre* и исторически засвидетельствованным *jētry*, *jētrve* (аналогичным *свекры* и *свекрьве*) необходимым посредником была форма, которую можно представить как им. **jētri*. Иначе трудно понять, как, например, старый родительный **jētre* мог непосредственно преобразоваться в **jētrve*. Легче допустить переход **jēti*, *jētre* > **jētri*, *jētre* > **jētry* (по типу *свекры*). Косвенно как будто засвидетельствована предполагаемая переходная форма им. **jētri*. В словенском языке есть редкая форма *itrica* «жена брата», которая, как мне известно, встречается только в «Словенском родовнике» Й. Залокара³, однако нет никаких оснований считать ее сомнительной. Она позволяет сделать интересные сопоставления. Конечно, форма *itrica* не имеет никакого отношения к позднему образованию словен. *jētrva* или **jētrov*, которое дало производные *jētrvica* и *jētrovca*. Она не может восходить и к древнему производному от **jētry*, которое оканчивалось бы на *-y-ka*. Она может быть только древним производным от **jētri*.

Сходное явление наблюдается в польском языке, ср. др.-польск. *jātrzewka*⁴ при *jātrzew*, *jātrzewka*, которое легко объясняется при допущении, что наряду с **jētry* польскому языку было известно также и древнее **jētri* **jātrzy*⁵. Особняком стоит случай с такими фонетическими дублетами, как *ostrew* : *ostrzew*, и другими, в которых могла играть роль аналогия с образованиями на палатализованное *r* (*ostrze* «лезвие, остріе» и т. д.)⁶.

¹ W. V o n d r á k, указ. соч., Bd. II, Göttingen, 1928, стр. 44.

² A. V a i l l a n t, Manuel du vieux slave, t. I — Grammaire, Paris, 1948, стр. 112.

³ E. H. C o s t a, Vodnikov spomenik, Ljubljana, 1859, стр. 257.

⁴ «Słownik języka polskiego», pod red. J. Karłowicza, A. Kryńskiego i W. Niedźwiedzkiego, t. II, Warszawa, 1902, стр. 150; M. Arct, Słownik staropolski, t. I, Warszawa, [1914], стр. 107.

⁵ Это наиболее очевидное, но не единственно возможное объяснение. Как сообщил мне Э. Деко, можно думать о польском диалектном *trъ* > *tř*, аналогичном нижнелужицкому.

⁶ Если верить данным словаря Котта (Fr. Št. Kott, Cesko-německý slovník zvláště grammaticko-fraseologický, Praha, 1878—1893), в чешском языке как будто бы известны формы, в основе которых лежит соотношение **jētri* — **jētry*. В частности,

В балтийских языках рассматриваемое явление осуществлялось в наиболее ясных условиях. Наряду с литовск. *duktė*, род. падеж *duktė̃s* или *-ė̃s* «дочь» (ср. др.-прусс. *duchti*) имеется также литовск. *dūkrė*, род. *-ė̃s* (а также *dukrà* или *dūkrà*, род. *-ō̃s*), *pódukrė* (и *pódukra*) «падчерица» (ср. др.-прусс. *poducra*). В основе этих форм лежит **duktre*. Сходным образом наряду с др.-прусс. *mūti* (вин. *mūtin*) «мать» и литовск. *motė* «жена», род. *motė̃s* имеем др.-прусс. *potatre* «мачеха».

Эти факты балтийских языков интересны в том отношении, что они показывают, что для появления *r* других падежей перед фонетическим конечным гласным именительного падежа не было необходимым обобщение нулевого вокализма (*-tr-*) элемента, предшествующего падежному окончанию; действительно, в двух рассмотренных литовских словах в косвенных падежах выступает *-ter-*.

Вряд ли на основании приведенных разрозненных примеров можно говорить о балто-славянском характере рассматриваемого явления; эти примеры свидетельствуют о тенденции, общей балтийским и славянским языкам, тенденции, которая проявлялась независимо в обеих группах.

Нам остается дать семантическое объяснение рассматриваемого слова. Однако это очень затруднительно, так как сведения, необходимые для характеристики Стрибога, ничтожны.

1. Историки религии полагают, что известные нам славянские боги делятся на две группы — балтийскую и русскую. Л. Нидерле¹ считает, что «первым в русской группе является Стрибог, единственный бог, исконное происхождение которого несомненно». Он приводит² отрывок из Слова Иоанна Златоуста, который упоминает лишь двух богов и именно в таком порядке: Стрибогъ и Дажьбогъ³.

2. Единственный текст который дает некоторые сведения о Стрибоге, — «Слово о полку Игореве»; подлинность его некоторыми исследователями, к сожалению, оспаривается. Но даже если это произведение подражательного характера, все же следует напомнить о некоторых данных, приводимых его авторами (возможно, они черпали их из какого-то другого источника). Этот текст содержит выражение Стрибожи внуци, которое большинство толкователей понимает как название ветров; однако Б. Унбегаун видит здесь обращение к русским⁴. Первое толкование хорошо сочетается с представлением об обожествленном небе, второе — о боге-отце.

Как я уже говорил выше, в различных индоевропейских мифологиях противопоставлялись бог-отец и богиня-мать. Русская народная песня показывает, что у русских сохранилось предание о матери-земле, рядом с которой занимал свое место и бог-отец. Возможно, это был Стрибогъ.

Не следует, впрочем, забывать, что русские боги известны нам лишь из поздних источников, в передаче христианских текстов, где им уделялось мало внимания. Вполне возможно, что Стрибогъ в опустевшем русском пантеоне был последним воплощением «бога неба».

Перевела с французского О. А. Лантева

jetřev представляет одновременно перегласовку в корне (*je < ja*) и палатальность *ř*, которую вызывало бы конечное *i*. Но вряд ли можно быть уверенным, что в данном случае речь идет об исконно чешском слове, так как форма *jetřev* приводится очень неопределенно, а ссылки, которыми ее сопровождает Котт, слишком неясны.

¹ L. Niederle, *Život starých slovanů*, 2 vyd., díl II, sv. 1, Praha, 1924, стр. 119.

² Там же, примеч. 1.

³ Известны и другие имена русских богов, но можно думать, что большая их часть не исконно русского происхождения.

⁴ B. O. Unbegaun, *L'ancienne religion des slaves*, «*Mana. Introduction à l'histoire de religions*», III, Paris, 1948, стр. 400, примеч. 1.